

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 162—171.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 162—171.

Эссе

УДК [130.2:82](470)

EDN <https://elibrary.ru/ypftza>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.10

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и

литературы народов Российской Федерации

5.6.1. Отечественная история

ТРИ ЭССЕ О РУССКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТАХ (КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ, АЛЕКСАНДР ГРИН, СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН)

Зорислав Паункович

журнал «Русский альманах», Белград, Сербия, zorislavp@gmail.com

Аннотация. Автор предлагает читателям три эссе о русских интеллигентах: Константине Леонтьеве, Александре Грине и Сергее Дурылине. При всех различиях между ними все они — яркие и оригинальные личности. Их творческий профиль представлен главным образом их литературным наследием.

Ключевые слова: русская интеллигенция, Константин Леонтьев, Александр Грин, Сергей Дурылин

Для цитирования: Паункович З. Три эссе о русских интеллигентах (Константин Леонтьев, Александр Грин, Сергей Дурылин) // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 162—171.

Essay

THREE ESSAYS ON MEMBERS OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA (KONSTANTIN LEONTIEV, ALEXANDER GREEN, SERGEI DURYLIN)

Zorislav Paunkovich

magazine “Russian almanac”, Belgrade, Serbia, zorislavp@gmail.com

Abstract. The author offers the readers three essays about Russian intellectuals: Konstantin Leontiev, Alexander Grin and Sergei Durylin. Despite

© Паункович З., 2025

their differences, they are all vivid and original personalities. Their creative profiles are primarily represented by their literary legacy.

Keywords: Russian intelligentsia, Konstantin Leontiev, Alexander Green, Sergey Durylin

For citation: Paunkovich, Z. (2025), 'Three essays on members of Russian intelligentsia (Konstantin Leontiev, Alexander Green, Sergey Durylin)', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 162—171 (in Russ.).

Жизнь по мере красоты

Константин Леонтьев (1831—1891) был одним из самых издаваемых авторов русской литературы 1990-х годов, и в книге «Моя литературная судьба» впервые были собраны все его ранее опубликованные автобиографические произведения. Имеются также работы, опубликованные более ста лет назад в девятом томе его Собрания сочинений, а также значимые тексты, опубликованные позже, и те, которые не переиздавались. Представлены завершённые и незаконченные произведения, а также различные литературные жанры, в которых присутствует автобиографический элемент. Однако автобиографический фон присутствует во всем творчестве К. Леонтьева, в том числе в его художественных произведениях, и особенно в его переписке, которая не вся могла быть включена в данное издание (и не вся была собрана и опубликована). Наконец, среди его неопубликованных произведений, хранящихся в архивах, есть и автобиографические — эта обширная и хорошо составленная книга, таким образом, не содержит всех автобиографических пластов.

Константин Леонтьев — крупнейшая фигура русской классической литературы XIX века. Он был многогранной личностью (врач, писатель, критик, теоретик литературы, публицист, философ, политолог, теолог, дипломат и, наконец, монах) и оставил свой след в различных гуманитарных дисциплинах. Будучи философом консервативных взглядов, он, как отмечал хорошо знавший его Сергей Николаевич Трубецкой, был «заслуженно неизвестен» при жизни. Поскольку К. Леонтьева воспринимали как противоречивую личность, то его репутация постоянно подвергается переоценке и, вероятно, окончательно сформируется в будущем, хотя и сегодня она по-прежнему высока.

Этот «русский Ницше» (Н. А. Бердяев), сделавший красоту и эстетику основой всех своих размышлений, родился в не особенно богатой дворянской семье с большим количеством детей. Леонтьев получил медицинское образование и участвовал в Крымской войне в качестве врача. Пытался сделать литературную карьеру, но больший успех имели его критические, философские и политические труды. Леонтьев провел десять лет на успешной дипломатической службе, прослужив, в силу своих предпочтений, на Ближнем Востоке, в том числе в Греции, Турции и в Белграде. Пребывание в этом регионе оказало большое влияние на его теоретические построения и эстетические взгляды. В моменты душевного кризиса и болезни на Афоне он дал обет стать монахом, что и сделал гораздо позже, перед своей смертью.

Творчество Константина Леонтьева, как и его личность, ломает стереотипы, кажется парадоксальным и многое предвосхищает. Но всё оно основано на критерии красоты. Концепция исторического процесса в Византии и славянстве (*первоначальная простота — цветущая сложность — вторичное упрощение*), агитация за неравенство, за Византию, за Россию, против прогресса, против панславизма — всё это имеет в своей основе идею красоты, которую он в конечном итоге хочет примирить с христианством. Как критик, Леонтьев первым подчеркнул величие романов Льва Толстого, причем для того времени (когда господствовала идеологическая критика) использовал необычный литературно-теоретический аппарат, что делает его предшественником русской формалистической школы в литературоведении.

Автобиографические произведения охватывают различные периоды его жизни и творчества не систематически (Леонтьев часто касается одних и тех же событий в нескольких местах и освещает их с разных сторон). Как правило, они написаны превосходно, открыты и непосредственны, заставляя нас понять мнение исследователя С. Г. Бочарова о том, что «в мемуарной и эпистолярной прозе литературный дар Леонтьева выразился наиболее свободно и лучше всего». Это, прежде всего, единственная автобиография «Моя литературная судьба» и неоконченная работа «Мои дела с Тургеневым», посвященные его литературной деятельности и содержащие, например, сведения о том, что И. С. Тургенев ждал от начинающего Константина Леонтьева и Льва Толстого

обновления русской литературы. Его экзистенциальный кризис и жизнь на Святой Горе описаны в книге «Мое обращение и жизнь на Святой Афонской Горе». О своем детстве, семье (происхождении) и юности он рассказывает и в других местах, например, в своих литературных мемуарах, а также в «Рассказе смоленского дьякона о нашествии 1812 года» и «Рассказе моей матери об Императрице Марии Федоровне». О его преподавателях и медицинских исследованиях — «Воспоминания об Ф. И. Иноземцове и других московских докторях 50-х годов». О Крымской войне мы узнаем из писем к его матери и из его очерка «Сдача Керчи в 55 году». Особое место занимает цикл дипломатических мемуаров («Из воспоминаний консула»), посвященный людям, местам и событиям, а также классический текст воспоминаний об Аполлоне Григорьеве. В книгу также вошли критические работы, дополняющие основные тексты, а также специальная книга «Отшельничество, монастырь и мир», представляющая собой характерную иллюстрацию к воспоминаниями о жизни на Афоне.

Нам кажется, что помимо эстетического аспекта (который был для Леонтьева важнейшим и в жизни, и в творчестве), его разнообразная сфера деятельности дополняет наши представления и о России, и о XIX веке. Леонтьев делает это весьма убедительно, потому что, сохраняя глубину, он естественным образом связывает весьма далекие друг от друга темы, а таких тем, как показывает обзор его биографии, было необычайно много. Наконец, на наш взгляд, неоспоримым является тот факт, что Леонтьеву и сегодня удастся наладить контакт с читателем, его послания воспринимаются как актуальные.

В отличие от многочисленных критиков (второе издание двухтомника, посвященного Леонтьеву, в Москве в библиотеке «Pro et contra»), нам трудно судить о судьбе этого эстетического проекта. Хотя Василий Розанов уже заявлял, что «время Леонтьева придет», а составитель книги «Моя литературная судьба» Т. Ф. Прокопов утверждает, что его время пришло. Хотя идеи Леонтьева и имеют большое влияние сегодня, особенно в одном из направлений русской политической мысли, которое считается консервативным, вполне вероятно, что истинное открытие и безраздельное признание Константина Леонтьева еще впереди.

Жизнь Александра Грина

Александр Грин (1880—1932) известен в Сербии, прежде всего, как автор антологического фантастического рассказа «Крысолов», по которому в 1976 г. хорватский кинорежиссер Крсто Папич снял фильм «Избавитель» с Ивицей Видовичем в главной роли. Произведения Александра Грина не раз переводились на сербский язык, но он создал нечто гораздо более значительное: цикл романов и рассказов о «выдуманной стране», которую его почитатели называют «Гринландия». Его творчество продолжает русскую романтическую традицию особым, радикальным образом, опираясь, прежде всего, на достижения западной приключенческой литературы (Эдгар Аллан По, Роберт Льюис Стивенсон, Джозеф Конрад (Юзеф Коженёвский)). Поскольку как автор А. Грин не похож ни на кого в русской литературе, критики дали ему спорный титул «иностранца в русской литературе» (Михаил Левидов), в то время как его существенная принадлежность к ней была очень хорошо отмечена зарубежными исследователями, в том числе поляком Ежи Литвиновым. Круг его поклонников среди коллег широк и разнообразен — Александр Куприн, Максим Горький, Владимир Пяст, Виктор Шкловский, Лариса Рейснер, Андрей Платонов, Осип Мандельштам, Юрий Олеша, Константин Паустовский, Михаил Булгаков, Вениамин Каверин — и говорит сам за себя. Мастерство Грина в построении сюжета, исключительное знание психологии, точное и изобретательное использование слов, а также романтические добродетели его героев, их приверженность идеальной стороне реальности обеспечили ему огромную любовь читателей. После того как его вновь открыли во второй половине 1950-х годов (уже посмертно его критиковали за космополитизм и формализм), последовали многочисленные многотиражные издания его произведений. Он стал культовым писателем, а «Гринландия», и особенно герои и символы его романа «Алые паруса», вошла в массовое сознание россиян.

Особо отметим две книги, посвященные биографии писателя. Учитывая необычность литературного мира Грина, его личность и биография всегда вызывали интерес, поскольку могли бы пролить дополнительный свет на его творчество. Личность Грина и его необычная биография действительно контрастируют с его творчеством (по словам В. П. Абрамовой, первой жены Грина,

«Грин-писатель и Грин-человек — совершенно разные личности») и способствуют его лучшему пониманию. Кроме того, хотя это кажется весьма далеким от реальности, его творчество в значительной степени носит автобиографический характер. Наконец, Грин является не только автором уникального литературного произведения, но и человеком уникальной биографии.

Для знаменитой библиотеки «Жизнь замечательных людей» московский писатель Алексей Варламов написал первую литературную биографию Александра Грина, а в Феодосии в издательстве «Коктебель» вышло новое издание «Воспоминаний об Александре Грине» третьей жены писателя Нины Николаевны Грин. «Воспоминания» Н. Н. Грин были впервые опубликованы в 2000 году в Симферополе очень небольшим тиражом и фактически стали более доступными только благодаря этой книге. Новое издание «Воспоминаний об Александре Грине» также содержит много материалов, которые публикуются впервые.

Александр Степанович Гриневский (а это настоящее имя писателя) был сыном польского дворянина, сосланного в глубь России в 1863 году за участие в Польском восстании. Еще в детстве в Вятке Грин проявлял свой противоречивый характер, из-за чего ему удалось окончить лишь четыре класса школы. Он рано покинул дом, после чего сменил множество мест жительства (Одесса, Баку, Урал) и занятий (матрос, служащий, актер, слесарь, шахтер, лесоруб и т. д.). Затем он поступил в армию, из которой дважды бежал. В армии Грин вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров) и в составе ее террористического крыла готовил террористический акт, от которого отказался в процессе его подготовки. После этого как активный член партии социалистов-революционеров он занимался пропагандой в подполье. За свою революционную деятельность Грин неоднократно подвергался арестам, находился в заключении и ссылке, бежал из ссылки. В порыве ревности стрелял в свою подругу, революционерку Екатерину Бибергаль, и ранил ее (к счастью, без серьезных последствий).

В Петрограде Александр Грин вел божественный образ жизни, следствием чего стал алкоголизм. Пытаясь изменить свой образ жизни, в 1924 году вместе с Н. Н. Грин переехал в Крым. Последние несколько лет жизни писателя были отмечены нищетой, проблемами с издателями, алкоголизмом и серьезными болезнями.

Не меньшее впечатление оставляет и личность писателя. Грин был одиноким, замкнутым, мрачным и неловким человеком. Он был самоучкой, но предсказал множество будущих явлений и открытий. Грин создал вымышленный мир, населенный героями, не носящими русских имен, при этом сам не знал ни одного иностранного языка и лишь однажды, будучи моряком в раннем возрасте, ненадолго покинул Россию (путешествовал в Александрию). Некоторые мемуаристы подчеркивают темные стороны его личности, в то время как другие вспоминают множество его не особенно хороших или необычных поступков. Например, оказавший ему гостеприимство писатель Михаил Слонимский проснулся ночью, увидев руки Грина на своей шее. Оказалось, что Грин писал рассказ, в котором была сцена утопления. Историк литературы Е. А. Яблоков отмечает, что, говоря о Грине, трудно найти тон, который был бы объективным и не оскорбительным.

В то же время, в полную противоположность собственному тяжелому жизненному опыту и неблагоприятным чертам характера, Грин писал фантастические романы и повести с идеальными героями. Он был чрезвычайно последователен в своей литературной работе, и именно в этой последовательности находил пересечение жизни и творчества (своей биографией он считал свое литературное творчество). Две новые биографические книги о Грине, в которых авторы стремятся более цельно увидеть личность писателя, помещают его в контекст русской литературы в большей степени, чем это обычно делалось. И особенно из синтетической по своему содержанию книги Варламова складывается впечатление о Грине как о ведущем писателе русской литературы.

Из своего угла

Спустя годы после начала перемен в русской литературе, когда в годы перестройки были сняты существовавшие запреты, значимые публикации литературного наследия продолжают появляться. Некоторые из них выделяются своей литературной ценностью и существенно меняют наше представление об истории русской литературы. Одним из таких произведений является обширная книга Сергея Николаевича Дурылина «В своем углу». Книга вышла в мемуарном издании «Недавнее прошлое» издательства «Молодая Гвардия» (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21), хотя и не является мемуарами в полном смысле этого слова.

Сергей Николаевич Дурылин (1886—1954) — видный деятель русской культуры. В советское время он был известен, прежде всего, как разносторонний специалист — театровед, историк литературы и искусства, археолог, этнограф. За данный период он опубликовал более семисот статей в этих областях. Однако С. Дурылин активно занимался также религиозной философией еще до Октябрьской революции. Уже тогда он был чрезвычайно плодовитым автором, а также активным участником религиозно-философского движения. Его взгляды прошли эволюцию, характерную для русской интеллигенции той эпохи: от революционной практики в юности через учение Льва Толстого и модернизм в искусстве к религиозной философии.

Дурылин писал также литературные произведения — поэмы и прозу, которые были оценены его современниками и которые, по всем данным, заслуживают того, чтобы их вывели из забвения. В 1920 году он стал священником, а два года спустя был арестован и сослан. Это повторилось в 1927 году, и он оставался в ссылке до середины 1930-х гг. В отличие от других представителей русского религиозно-философского движения, он не только остался в Советской России и пережил репрессии, но и продолжил работать в сфере культуры в новых условиях.

Книга Дурылина «В своем углу» состоит из четырнадцати томов заметок, которые автор вел изо дня в день в период 1924—1932 годов. Заметки не предназначались для публикации, он писал их для себя. Они охватывают период ссылки в Челябинск, Томск и Киржач, с небольшим перерывом между двумя ссылками, во время которого Дурылин жил в Москве и в Крыму. Последний, четырнадцатый, том был продолжен в 1939 году в Подмоскowie, а некоторые дополнения к книге автор внес в 1939, 1941 и 1944 годах.

«В своем углу» можно определить как великолепное эссеистическое произведение, созданное в традициях Василия Розанова («Уединенное», «Опавшие листья», «Апокалипсис нашего времени»). Как и в случае с Розановым, текст состоит из фрагментов, соседствующих с более краткими заметками. Однако Дурылин существенно отличается от Розанова, с которым он был близок и о котором много пишет в книге. Благодаря своей необычной биографии Дурылин познакомился с большим числом людей, значимых для русской культуры, и часто оказывался в самом центре исключительных

событий. Он беседовал со Львом Толстым, сотрудничал с Андреем Белым, первым поддерживал Бориса Пастернака, общался с художником Михаилом Нестеровым, исполнял последнюю волю Василия Розанова, навещал последних старцев в Оптиной пустыни. Но и сам он был оригинальным мыслителем и хорошим писателем.

Книга «В своем углу» отличается личным отношением к русской культуре. Вся жизнь писателя посвящена русской культуре, а русская культура (наряду с вечными темами жизни, смерти, природы, веры) — одна из основных тем книги. Дурылин записывает свои мысли и воспоминания, как правило, о том, что для него наиболее важно. Работа содержит бесценный материал из истории русской культуры, поскольку, помимо прочего, она регистрирует множество деталей, неизвестных из других источников. Писатель также стремится сохранить ценные данные, которые он слышал от других людей. В то же время, благодаря своей необычайной информированности и интересу к предмету, он также может предложить свою собственную интерпретацию явлений, событий и произведений, то есть своего рода скрытую историю литературы.

Книга «В своем углу» отличается глубоким знанием рассматриваемой тематики. Стиль Дурылина внешне непритязательный, но точный и выверенный, без преувеличений какого-либо рода. Именно стиль представляет особую ценность этого произведения писателя. Иногда, всегда по какой-то причине, мы встречаем в книге его стихи, которые напоминают нам, что до революции они по праву включались в антологии. Оригинальная и необычная книга «В своем углу» также является своеобразным комментарием к русской литературе XIX—XX веков. Писатель рассуждает, основываясь на собственном опыте и принимая во внимание исторический опыт, в том числе революцию и ее последствия. Например, как человек, вышедший из купеческого сословия, он критически смотрит на пьесы Александра Островского или, наблюдая за ходом истории, констатирует завершение той линии русской литературы, которая тянется от Александра Пушкина к Федору Достоевскому и заканчивается Антоном Чеховым и Василием Розановым. Особую значимость этим комментариям придает, с одной стороны, сама личность Сергея Николаевича Дурылина, а с другой — тот факт, что он хорошо знает то, о чем пишет. Вероятно, не стоит даже говорить о том, что у Дурылина нет политической предвзятости и что его

размышления облекаются в более фундаментальные религиозные и культурологические категории. Галина Евгеньевна Померанцева, автор обширного предисловия в книге — своеобразного исследования о С. Н. Дурылине, считает, что «В своем углу» является наиболее важным произведением этого мыслителя, ученого и писателя. По нашему мнению, книга также занимает значительное место в русской литературе и можно смело сказать, что она написана на уровне великой русской литературы.

Эссе поступили в редакцию 20.12.2024; одобрены после рецензирования 09.01.2025; приняты к публикации 30.01.2025.

The essays were submitted 20.12.2024; approved after review 09.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

З. Паункович — литературовед, критик, переводчик-русист, главный редактор журнала «Руски алманах» («Русский альманах»), Белград, Сербия.

Z. Paunkovich — literary critic, critic, Russian translator, Editor-in-Chief of the magazine “«Руски алманах” (“Russian Almanac”), Belgrade, Serbia.